

ПЕТР МЕЛИБЕЕВ

Несколько страниц
из истории
Ставропольского театра.

Годы идут.

Нет, они стремительно бегут, подгоняемые событиями. И то, что вчера казалось важным, первостепенным, уже полузабыто. Но какой-то незначительный толчок извне — и перед тобой ясно, зримо, с мельчайшими подробностями встает давно прошедшее. Проясняются события, вспоминаются люди.

В папке военных лет, среди треугольников фронтовых писем, вырезок из газет попался мне пожелтевший листок. Обычная «секретка» того времени: на той стороне, где адрес, изображен солдат с автоматом и призыв: «Проклятье и смерть немецко-фашистским захватчикам!» На другой — письмо в стихах:

«!!!

Под кожу влез мороз;
Схватил за легкие, за душу.
И дома и в театре стужа.
На лицах сумрачные тени,
Мороз умножил бюллетени.
Больных замены каждый вечер.
Спектакли освещают свечи.
Спасите нас от доли горькой.
С надеждою: артист Кеворков,
Вконец замерзший коллектив,
И стужей скованный актив.

Кисловодск, 19 января 1944 года».

Вот этот листок и напомнил о годах, которые никогда не уйдут из памяти...

Августовский раскаленный день 1942 года. Я встретился с ними в степи под Моздоком. Запыленные, грязные,

оборванные, с тощими котомками за плечами, они шли, растянувшись длинной цепочкой, едва передвигая усталые ноги. Брели под палящим солнцем, в клубах едкой степной пыли, как тысячи беженцев, уходящих на восток. И все же, несмотря ни на что, ошибиться было нельзя — шли артисты.

С трудом движется солидная «грандама» — Валентина Семеновна Тиноваль. Она хромает и опирается на руку мужа, Николая Христофоровича Вента. А он, любимец публики, осунувшийся, с провалившимися щеками, покрытыми седой щетиной, одной рукой поддерживает жену, а другой небрежно взмахивает тростью, словно прогуливается по бульвару.

Высокий, стройный Михаил Михайлович Никольский — «герой» по своему актерскому амплуа, оброс густой черной бородой, ловко сидящий костюм порван, грязен, но актер не потерял своей осанки — шагает уверенно, чуть откинув голову, покрытую белым носовым платком с узелками по концам.

У Алексея Ивановича Бочкова рука на перевязи. Забинтована голова, и сквозь серую от пыли повязку проступают темные пятна крови.

Идут на восток актеры, идут их семьи — старики и дети; идут моздокской степью з клубов пыли, поднятой машинами, повозками, стадами скота...

Из Ставрополя их послали в Георгиевск. Три дня назад они еще играли здесь. Но обстановка с каждым днем осложнялась. Фронт приближался. Враг ворвался в Ставрополь. Новый приказ —

эвакуироваться из Георгиевска. Ночью собрались на вокзале, принесли имущество — театральное и свое. Должен подойти эшелон, но его нет и нет.

Расположились прямо на земле под молодыми акациями в небольшом сквере рядом с вокзалом.

Тревожно! Издалека доносится гул проходящих машин, тяжело грохочут угоняемые трактора. Иногда гудение моторов доносится с неба. И если это какой-то злобный, воющий звук, кто-нибудь зябко поежась, негромко говорит:

— Стервятники...

Ночь минула, а эшелон не подошел.

Солнце выкатилось на небо красным шаром. Лучи его терялись в густой пыли, поднятой над степью. Многие спали, приткнувшись к своим вещам, некоторые бродили, не находя себе места, прислушиваясь, не донесется ли долгожданный гудок паровоза.

Небо застонало от натужного с замиранием воя моторов. Сомнений не могло быть — немцы. Из редких облаков вынырнули самолеты и сразу перешли в пикирование. Страшный пронзительный свист падающих бомб. Грохот. Вспышка взрывов. Фонтаны земли и обломков. Пыль и гарь заволокли все вокруг.

Лежали ничком, бессильные, полные ненависти. Лежали долго, пока не прекратились взрывы, не затих вой вражеских самолетов.

Ветер разогнал дым и пыль. Вокруг развалины. Пылают пакгаузы. Рельсовые пути разворочены, вздыблены. Лежит на боку маневровый паровоз. Из-под сваленного гидранта высоко бьет вода. Сквер засыпан землей, вырваны с корнем молодые акации. Вместо клумбы с яркими каннами, глубокая воронка — прямое попадание бомбы.

Не поднялся художник театра Александр Васильевич Троицкий. Он лежал на взрытой земле, раскинувшись, весь залитый кровью. Рядом с ним — его жена Майя Борисовна Матлина — молодой талантливый режиссер. Она последним судорожным движением прижала себе крохотную дочку, тоже мертвую. Из всей этой хорошей, дружной семьи остался живым четырехлетний Саша. Он не плачет,

только ужас, непереносимый ужас застыл в детских глазах.

И еще девять безжизненных тел. Многие ранены, контужены, оглушены взрывами.

После пережитого трудно взять себя в руки. Но медлить нельзя, надо действовать. Станция разбита: надежды на эшелон больше нет.

Надо уходить.

Раненых перевязывали наскоро, чем пришлось.

Не было времени отдавать почести погибшим. В молчании, без громких речей похоронили друзей в воронке от немецкой бомбы. Вырос серый холмик братской могилы...

Надо уходить.

Вечером в полной темноте двинулись на Моздок. Всю ночь мимо пробегали машины с потушенными фарами. Где-то по обочинам гроыхали трактора, черное небо то и дело прорезали вспышки ракет. Кто их пускает: свои? А может быть, немцы уже впереди? Часто слышался вой вражеских самолетов. Иногда в высоте вдруг вспыхивала слепящая «люстра», и тогда все шарахались в стороны, замирали, прижавшись к земле в придорожных кустах, в кюветах. Лежали, пока не потухал мертвенный свет. Поднимались и снова шли. Шли торопливо, стремясь оторваться от настигающего врага.

Первый раз пришлось остановиться, едва миновали город: в темноте потерялась восьмидесятилетняя мать костюмера Григория Викторовича Ицковича. Все напряженно ждали, сетовали на задержку, но ни у кого не мелькнуло мысли двинуться дальше, пока старушку не отыскали.

И опять шли и шли...

Встретились мы в степи под Моздоком и вскоре расстались до более радостных дней в освобожденном Ставрополе. Через два дня поздним вечером они уезжали из Моздока — на Махачкалу. На этот раз актерам повезло. Удалось попасть в один из последних эшелонов. Целый день они грузили пшеницу в глубокую платформу, а вечером, удобно расположившись на зерне, отправились в путь.

Но не успел уйти вместе со всеми из Георгиевска Евгений Николаевич Писарев.

Нелегко ему было поднять всю многочисленную семью.

Только под утро удалось достать двухколесную тележку, на каких возят зелень на базар. В нее погрузили самое необходимое, посадили малышей Игорька и Лилю. Самую младшую дочурку несли на руках попеременно Зоя Дмитриевна Каткова и бабушка. Так и двигались по пыльной дороге в раскаленной августовским зноем степи: Евгений Николаевич толкал перед собой тележку, где среди узлов примостились притихшие ребята, а позади шла Зоя Дмитриевна с малышкой на руках и бабушка...

С Евгением Николаевичем мы неожиданно столкнулись в Махачкале у входа в театр. Дочерна загорелый, с отросшей за время скитаний окладистой бородой и лихо подкрученными седеющими усами, он, как всегда, был бодрым, неунывающим.

— А не принять ли нам морскую ванну? — предложил он после первых приветствий и взаимных расспросов. — Явились на морские купания — надо ими пользоваться.

Махачкала лета и осени сорок второго года! Улицы заняты эвакуированными. Семьями живут под чахлыми деревцами бульвара, под заборами, прямо среди улицы. Горят костерки, готовится на них неизменная «затируха», гомонят ребяткишки.

Серо-голубоватые волны Каспия набегают на берег, погромыхая мелкой

галькой. Пляж, когда-то пестрый от купальных костюмов, зонтов и вычурных грибков, тоже захвачен эвакуированными. Здесь стирают и сушат белье, отмывают себя от дорожной пыли и грязи.

Каждый занят своим. Человек с седым ежиком волос, с бородкой клинышком — кроме очков в тонкой золотой оправе, на нем ничего нет — примостился у большого камня и другим увесистым голышом бьет по швам белья. Постучит, постучит камнем и, сдвинув очки на лоб, близоруко прищурившись, рассматривает, что из этого получилось.

Молодость остается молодостью. Смеются две девушки, третья расстроено смотрит на свое платье. После стирки в море на цветной материи остались пятна мазута. Может быть, платье сейчас единственное, но девушка присоединяется к смеху подруг, махнув рукой: «И так хорошо!»

После купания в море Евгений Николаевич радушно пригласил «к себе».

Вытоптаный, грязный приморский сквер. У поломанного забора прямо на земле под пекущим солнцем сидит Зоя Дмитриевна. На руках у нее, прикрытая платком, спит самая младшая. Трехлетняя Лиля возится рядом. Она рассаживает в пыли садик из чахлах травинок. Поодаль бабушка что-то варит в закоптелом котелке. Игорек помогает ей, раздувая потухающий костерок.

— Милости прошу в наши апартаменты, — широким жестом приглашает Евгений Николаевич. — Каково? Неплохо устроились?

— Не очень блестяще, — несмело возразил я.

— Как все. Не хуже, а даже лучше, — загорячился Евгений Николаевич. — Нам у забора местечко нашлось, а другим вон — посреди улицы расположились.

До сумерек мы просидели под гостеприимным махачкалинским забором. Гадали, когда начнется контрнаступление наших войск. Толковали о том, что театр должен сейчас быть боевым и пьесы нужны оптимистические. Сетовали, что не удалось довести до премьеры мою пьесу «Товарищ Ксения». Постановщиком был Евгений Николаевич и репетировал ее до последнего дня в Георгиевске. Договорились, что

премьера все равно состоится и обязательно в освобожденном Ставрополе.

Дня через три Евгений Николаевич с семьей устроился на баржу, отплывающую из Махачкалы на Гурьев.

Прошло больше года. Солнечным сентябрьским днем вернулись артисты в родной Ставрополь.

Дома! Они снова дома! Но каждый шаг по городу приносил новую боль. Скелеты взорванных и сгоревших зданий, поломанные деревья, запущенные скверы и цветники, разбитые мостовые и ряды крестов над могилами немецких солдат на одной из площадей.

Но видно и другое — город оживает: расчищены от развалин проезжие части улиц, тут и там у поврежденных домов выросли строительные леса.

А что с театром?

Еще в первую бомбежку в театр попали две бомбы. А убегая из города, гитлеровцы заложили взрывчатку под главную лестницу и под запасный выход.

Взрывы искалечили театр. Уродливые глыбы бетона, переплетенного скрученными железными балками — все, что осталось от фасада. Сцена цела, а к ней прилепилась и висит в воздухе часть голубого фойе. Взрывы снесли всю крышу, уничтожили лестницы, часть фойе, в центре зрительного зала дыра в небо, вся лепка, украшавшая потолок и стены, обвалилась и белыми черепками засыпала пол.

Удрученные и подавленные, возвращались актеры в приготовленное для них общежитие. Уже стемнело. Лампочки чуть тлели красными тусклыми огнями и вскоре погасли.

А утро порадовало: оказывается, работы по восстановлению театра уже ведутся. Но как! Несколько женщин собирали разбросанный взрывами кирпич. Четыре девушки, до глаз завязанные платками, зацепляли тросом глыбу бетона или изогнутую балку и хворостинками подгоняли меланхоличных волов. Иногда глыба начинала двигаться, а иногда все усилия оставались тщетными.

Самым главным и сложным было расчистить завалы из рухнувших стен, потолков, лестниц. Если бы хоть один немудрящий кран! Но есть только две пары

волов. И рабочие руки в разгар войны найти трудно.

—А что, бьгатцы мои, если мы все въежемся в это дело?— сильно грустируя, предложил новый директор театра Маленский.

Взялись за тяжелые кувалды актеры, актрисы — за носилки. Зазвенели молотки щебенщиц. Во главе их Зоя Дмитриевна Каткова, повязанная платочком, с ног до головы покрытая рыжей пылью.

На субботники и воскресники выходили целые предприятия и учреждения города. В такие дни на стройке становилось особенно оживленно и шумно. Зрители и актеры дружно нажимали на развалины, и те отступали. Уже легли первые камни в цоколь нового фасада, закрыты дыры в потолке, зал, сцена, фойе очищены от камней и мусора. Но приблизилась зима, и стало ясно, что открыть сезон в своем театре все равно не удастся.

И снова в путь. На этот раз в Кисловодск.

Курорты Минеральных Вод превращены в города госпиталей. Ими заняты санатории, школы.

С концертами выступали в госпитальных палатах и столовых; спектакли давали в промерзлом театре, всегда переполненном «ходячими» и выздоравливающими.

Иногда горел электрический свет, а чаще играли при керосиновых лампах и свечах. Бывало, что «свет гас во время действия. Занавес не закрывали, и актеры, «выйдя из образа», зажигали и расставляли лампы, свечи и, как ни в чем не бывало, продолжали спектакли. Война — всяко бывает!

Зрителям хорошо, они в шинелях, полушубках, в теплых шапках, а каково актерам в легких костюмах, актрисам в платьях с короткими рукавами? Сцена промерзла насквозь так, что на стенах иней, из разбитых окон тянет ледяным сквозняком. Во время действия об этом забывали. Зато, выйдя за кулисы, приплясывали, чтобы хоть чуть отогреться.

Единственное место, где можно отдохнуть от холода, — открытая эстрада в парке. Днем, несмотря на мороз, кисловодское солнце ласково припекает.

Можно лечь на скамью, закрыть глаза и греться под его лучами. Репетировали тут же, на летней эстраде — на солнце куда теплее, чем в полутемном театре. Артисты ворчат на мороз, на холод, но в день два-три раза выступают перед ранеными и готовят новые спектакли. Питаются скудными пайками, отогреваются на скупом солнце и не теряют спасительного чувства юмора.

И все же: «Домой! Домой!» На восстановление театра теперь каждое утро приходили военнопленные.

Командовал группой невысокий, упитанный крепыш. На довольно чистом русском языке он пытался уверить:

— Я ничего плохого не делал. Я есть штурман на бомбардировщик. Я только показывал, куда лететь, куда бросить бомбы. Я бомбы не бросал. О, нет! Гитлер капут! — добавлял он хорошо заученные слова, заискивающе глядя в глаза каждому, кто его слушал.

Худой, раньше времени поседевший солдат с темными грустными глазами увидел случайно сохранившийся в фойе рояль. Он сразу оживился, повеселел и в обеденный перерыв попросил разрешения поиграть.

От холода, сырости инструмент порядком расстроился, но было понятно — клавиш коснулись пальцы настоящего музыканта. Полуразрушенное здание заполнила, рванулась наружу певучая мелодия штраусовского вальса.

— Я есть австриец из Вены. Я композитор, — объяснял он, с трудом подыскивая русские слова. — Я не хотел воевать — Гитлер послал. Я музыкант, композитор — мне не надо война...

Не особенно утруждали себя немцы, но все же дело двигалось, хотя каждый день возникали неожиданные трудности и задержки. Не хватало материалов. Чем, например, покрыть крышу, если ни листа железа в город не поступало?

Театр открылся для зрителей 8 марта 1944 года. Шли «Русские люди» Константина Симонова. В постановке главного режиссера В. Орлова. В главных ролях: старые любимцы ставропольцев — М. Никольский и Е. Писарев.

В зале холодновато, пахнет непросохшей штукатуркой, в полнакала горит свет. И все же это один из самых

торжественных спектаклей в истории театра...

Осенью 1944 года из Москвы пришла телеграмма: театру поручается выехать на фронт для обслуживания действующих частей армий 1-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов.

На подготовку немного времени. Труппа разбита на две бригады. Срочно репетировали спектакли «Мнимый больной» Мольера и «Последняя жертва» Островского: на фронт просили не привозить спектаклей на военную тему. Репетировали днем и вечером. Изготовили специальное оформление сцены — его легко поставить на любой площадке и даже на платформе грузовика.

Опять в путь. По разбитым войной дорогам Белоруссии и Латвии, порой между минными полями. Спектакли и концерты даются ежедневно в только что освобожденных от врага городах, а то и просто под открытым небом, но всегда при огромном стечении зрителей, только что вышедших из боя и готовых снова в бой.

В Латвии произошел такой случай.

Играли спектакль вблизи передовой в просторном бревенчатом сарае. Помост молниеносно соорудили солдаты хоззвода, они же помогли установить оформление, повесить занавес, но даже просторный сарай не мог вместить всех желающих посмотреть спектакль. Только открыли занавес — толстые доски задней стены рассыпались, и импровизированную галерку сейчас же заняли зрители в серых шинелях, с автоматами и винтовками в руках. Одни удобно устроились на развалившихся досках, другие подогнули к пролomu грузовики и облепили их. Потом отвалилась правая стена, следом левая — получились боковые ложи. А от сарая остались дубовые столбы и крыша на них. Зато спектакль «Последняя жертва» смотрел весь полк.

Едва закрыли последний раз занавес, на сцену поднялся командир полка.

— Спасибо, товарищи артисты! Порадовали нас. Знаем — нам есть за что драться: за народ наш, за нашу культуру! Спасибо вам! — Он повернулся к зрителям, поднял руку, призывая к тишине и, когда стихли аплодисменты, сказал: — От имени всех я поблагодарил артистов, а нам время

терять нельзя. — Он взглянул на часы. — Десять минут на сборы и по машинам. Вперед! Рига ждет освобождения! Хозвзводу восстановить сарай...

Не успели артисты раздеться и снять грим, а полка уже не было, только издали слышался рокот удаляющихся машин да солдаты хозвзвода торопливо складывали разваленные стены сарая.

Случалось и по-другому.

Это было в нескольких километрах от города Добеле. Концерт в госпитале, размещенном в двухэтажном здании школы. Выступали в просторной столовой на первом этаже. Раньше здесь был спортивный зал — сохранилась шведская стенка, в потолке крючья для колец. «Зрительный зал» до предела заполнили «ходячие» раненые.

Концерт уже подходил к концу.

Вдруг в столовую вбежал майор и, прерывая шедший номер, скомандовал:

— Раненые на выход! Быстро по машинам.

Все поднялись и заспешили к дверям, стуча костылями, поддерживая загипсованные руки. Следом за зрителями, не сняв костюмов и гримма, выбежали из зала и артисты.

Двери в палаты настезь, пустые койки сдвинуты с мест. Значит, всех тяжелораненых успели вынести.

У крыльца суета. Санитары помогают раненым забраться в кузова грузовиков с работающими моторами.

— Скорее! Скорее!

До слуха доносятся слова:

— Окружают... Прорвались...

Актеры только сейчас обратили внимание, что стрельба слышна и справа и слева. Недалеко за лесом вспыхивают всполохи оружейных выстрелов. Они сливаются в непрерывный гул.

Где-то совсем близко шел бой. Он охватил местечко почти кругом.

Стало жутко. Растерянные, не зная, что делать, они стояли на крыльце, пока на них не наткнулся все тот же майор.

— Вы еще здесь? — удивился он. — Немедленно в машину. Вон в ту, вместе с ранеными.

Едва забрались в кузов, машина рванулась и заскакала по ухабам разбитой дороги. Выстрелы стали слышнее. Казалось,

что стреляют и впереди.

Пожилой солдат с костылем, в сером госпитальном халате, принаравливаясь к тряске, крутил папироску. Скрутил, умело прикрывая от ветра огонек спички, прикурил и, выпустив густую струю махорочного дыма, ни к кому не обращаясь, сказал:

— Смотри ты! Контрудар фрицы затеяли. Окружить норовят.

Но глянув на побледневшие, испуганные лица актеров, поспешил успокоить:

— А вы не сомневайтесь — раз ворота ему не дадут, не то теперь время.

Машины одна за другой мчались на предельной скорости. Сидящих в кузове стряхивало и бросало из стороны в сторону. Одна из идущих впереди машин, объезжая воронку от бомбы, свернула с дороги всего на десяток метров, вдруг из-под колес у нее вырвался сноп пламени, донесся взрыв. Машина подскочила и перевернулась продолжая быстро, быстро вращать колесами.

Шофер резко тормознул. Остановились.

— Не иначе, на мину наварлся, — невозмутимо констатировал раненый с костылем. — И чего его в сторону понесло?

Сзади выскочил потрепанный «виллис». Из него высунулся майор и закричал:

— Чего остановились? Давай! Давай!

Грузовики взревели и рванулись вперед, а газик майора направился к подорванной машине.

Немного придя в себя, всполошилась старушка актриса Нина Федоровна.

— Послушайте, нельзя же — там мины. Мы тоже взорвемся. Я не хочу.

Нина Федоровна в костюме и гриме замоскворецкой свахи сидела среди машины на каком-то тюке, держась за окружающих, чтобы не вылететь на ухабе. Но сейчас от волнения она попыталась даже вскочить и свалилась с тюка.

— А ты, бабуса, поаккуратнее, так и разбиться можно, — попытался вразумить ее солдат с костылем. — Гляди-ка, и проскочим. Не всем на мины нарываться. Только держись крепче.

Через несколько километров машины выскочили на асфальтированное шоссе и

вскоре остановились в затемненном городке, где размещался штаб армии. Бой остался далеко позади.

Встретил актеров начальник поллитотдела.

— Ух, гора с плеч! А мне сказали: актеры в окружение попали. Хотел посылать за вами.

— Скажите, а сюда фашисты не придут?— все еще волновалась Нина Федоровна.

— Никуда они больше не придут,— усмехнулся начполитотдела.— Попытались изобразить контрнаступление и сразу захлебнулись. Очередной блеф. Но оставаться в тот местечке вам не стоило. Там сейчас жарко. Ну, идите, товарищи, отдохайте. Помещение вам приготовлено.

Вот теперь можно переодеться, снять грим и почувствовать себя в полной безопасности.

Не забудется актерам и спектакль в «хозяйстве» подполковника Рогова.

Долго ехали по лесной разбитой дороге. Выехали на опушку. Здесь совсем иной лес: ряд за рядом поднятые вверх стволы орудий. Свернули в сторону и некоторое время ехали просекой по густому бору. На большой поляне домик-сторожка. Вокруг тоже пушки — большие — 107-миллиметровые. Рядом с домиком уже подготовлена «сцена»: четыре «студебеккера» сдвинуты платформами.

Встретили гостеприимно. Подполковник Рогов, невысокий, подвижной, с хитрым прищуром глаз, поздоровался и пригласил:

— Располагайтесь, товарищи. Зрители скоро соберутся. Ваши декорации сейчас установим. Женщин прошу в домик, а мужчин — в мой капе. Мне сейчас он не нужен; молчим пока — затишье.

Капе заметили не сразу — просто холм, поросший травой, а спустишься на несколько ступенек не попадаешь в просторное бетонированное помещение.

Очень непривычно одеваться и гримироваться в такой обстановке. Герои комедии Островского: Флор Федулыч — Писарев, Дульчин — Никольский, Салай Салтаных — Кеворков, Дергачев — Ратов, Лавр Мироныч — Бочков не совсем удобно чувствовали себя во фраках и цилиндрах

среди полевых телефонов, автоматов и гранат. Но на фронте ко всему надо привыкать.

Женщины: Юлия — Кемарская, Ирина — Никольская, Глафира Фирсовна — Васильева, Михеевна — Нудольская и помощник режиссерам ведущая спектакль — Шварц устроились в домике очень удобно.

Кончали одеваться и гримироваться, когда весь домик зашатался, заходил ходуном от мощного удара пушки, что стояла совсем рядом. С потолка посыпалась штукатурка. Готовая к выходу Васильева от испуга села на пол и с головой закуталась шалью. Из рук Никольской вылетела губная помада.

Невозмутимей всех оказалась Нудольская.

— Почему так близко стреляют? Это безобразие — мешают гримироваться,— не отрываясь от зеркала, проворчала она.

Постучавшись, вошел молоденький лейтенант.

— Все готово — можно начинать.

— А стрелять больше не будут?— спросила старушка Васильева, робко выглядывая из-под шали.

— Стрелять? Зачем стрелять?— удивился было лейтенант и сейчас же расцвел белозубой улыбкой.— Нет, стрелять, наверное, не будут. Это мы сейчас вместо третьего звонка в вашу честь фрицам гостинчик послали.

Поляна заполнена зрителями. От «сцены» до конца поляны пилотки, пилотки, а под ними густые клубы махорочного дыма. И хотя еще светло, но для большего эффекта два грузовика направили яркие фары на «сцену».

Играли спектакль на большом подъеме. А зрители принимали события так горячо, что, казалось, сами готовы вмешаться в действие и все повернуть по-своему. Особенно нелестные эпитеты слышались по адресу внешне привлекательного мерзавца Дульчина.

— Вот ты скажи, паразит какой. Есть же такие!— сделал вывод немолодой солдат.

— Э, дядя, это когда было!— возразил ему паренек в лихо сдвинутой пилотке.

— А сейчас, скажи, нет таких?— сердито посмотрел на него старший.— Ты,

Семка, жизни, выходит, не знаешь. Фраков они, конечно, не носят, а все равно такие есть, что за счет женского полу поджиться ищут. То-то вот!

Как говорят, «дошел до зрителей» Кеворков в роли ростовщика Салая Салтаныха. Грузный, в красной феске, с нависшим носом и четками в руках, он при каждом выходе вызывал оживление. Из «зала» поощряли, конечно, не ростовщика — актера!

— Давай! Давай! И доносилось восхищенное:

— Вот дает! Это да! Обещание молодого лейтенанта «стрелять не будут» оправдалось не до конца. Уже в последнем антракте до актеров стали доноситься далекие орудийные выстрелы и довольно близкие разрывы. Закралось беспокойство, но глядя на зрителей, не обращающих никакого внимания на стрельбу, актеры подтянулись и бодро начали последнее действие.

Все шло хорошо. Вот появилась на сцене Ирина — Никольская. Она пришла, чтобы осчастливить Дульчина — сказать, что согласна бежать с ним хоть на край света. Дульчин, уверяя ее в своем благородстве, всеми силами старается отделаться от навязчивой девицы.

— Какой высокий благородный характер! — восклицает Ирина. — Вот и у меня такой же...

И тут за опушкой полыхнуло столбом пламя, грохнул взрыв. Актриса, прерванная на полуслове, прижалась... Нет, не к Дульчину, а к мужу, Никольскому, смотрит на него широко открытыми от страха глазами. Но сцена есть сцена — играть надо при любых обстоятельствах и дрожащим голосом она продолжает:

— Видишь, какая я смелая! Итак, Вадим, или бежать или сейчас же венчаться.

Последние слова пропадают за смехом и аплодисментами.

По окончании спектакля, когда все разгруппировались, в домик забежал лейтенант.

— Подполковник просит извинить — он сейчас занят. Очень благодарит за спектакль. Думали угостить вас, но ничего не получается.

Фрицы зашевелились — будем сейчас

огонька давать, — сообщил лейтенант. — Машина вас ждет.

Лейтенант не торопил, но было понятно — задерживаться не следует.

Когда усаживались в машину, все вокруг потряс нарастающий грохот. Прокатился и стих.

— Не беспокойтесь — это только пристрелка, — успокаивал лейтенант.

Он тоже вскочил в кузов, чтобы проводить актеров за расположение «хозяйства».

— Как же тут ехать? А если в нас попадут — опять заволновалась старая актриса.

Лейтенант звонким мальчишеским голосом перекричал орудийный гул.

— Ничего страшного нет! В наступление пошли. Орудия на десятках километров вперед бьют. Здесь совсем не опасно, только шумно.

Он беззаботно улыбался, показывая белые ровные зубы. У пушек спокойно и четко работали солдаты, выполняя привычное для них дело.

Пушки грохотали, посылая тяжелые снаряды дальше и дальше на запад.

Война подходила к концу.

Пережито не мало. Было все: жгоречь отступления, и гибель друзей, и творческий, самозабвенный труд, и фронтовые встречи в дни разгрома врага. Были бомбежки и артиллерийские обстрелы, голод к холоду. И всегда были вера в победу, работа ради нее. Все это было, вместе со всеми, со всем народом.

А в этом главное.

